Веч. клуб — 1994. — 9 апр. — с. 3.

Сады моей души всегда узорены, В них ветры так свежи и тиховейны...

Юрий Безелянский

В "Садах души" Николая ГУМИЛЕВА

Тридцать лет назад Анна Ахматова возмущенно писала: "Невнимание критиков (и читателей) безгранично8 Что они вычитывают у молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди? Ни одна тема не прослежена, не названа. Чем он жил, к чему шел?.."

Эту запись Анна Андреевна сделала 5 августа 1963 года после прочтения первого тома собрания сочинений Н.С.Гумилева, изданного в 1962-м в США. Прошло 30 лет, но до сих пор о Гумилеве, о "самом непрочитанном поэте", нет фундаментальных работ. По сей день Гумилев - самый экзотический, редкий поэт. Но не будем давать оценку Гумилеву как поэту - это тема для специалистов. Из жизни поэта мы вычленим только одну тему - "Женщины", ту тему, которую советское литературоведение полностью игнорировало.

Первые увлечения

В юности Гумилев был некрасив и поэтому немного комплексовал

Напрасно родятся мечтанья,
Напрасно волнуется кровь:
Могу я внушать состраданье,
Внушить не могу я любовь,

- писал он в тифлисский период.

"Я всегда был снобом и эстетом, - признавался Гумилев. - В четырнадцать лет я прочел "Портрет Дориана Грея" и вообразил себя лордом Генри. Я стал придавать огромное внимание внешности и считал себя некрасивым. Я мучился этим. Я действительно, наверное, был тогда некрасив - слишком худ и неуклюж... К тому же, как часто у мальчишек, красный цвет лица и прыщи. И губы очень бледные. Я по вечерам запирал дверь и, стоя перед зеркалом, гипнотизировал себя, чтобы стать красавцем. Я твердо верил, что силой воли могу переделать свою внешность. Мне казалось, что с каждым днем я становлюсь немного красивее".

В 1906 году уже 20-летний Гумилев напишет:

Льется ль песня тишины
Или бурно бьются струи,
Жизнь и Смерть - ведь это сны.
Это только поцелуи.

Ощущение любви в неразрывной связи со смертью, ощущение жизни как сновидения, как иллюзии, - это уже вполне четкая мировоззренческая позиция молодого поэта.

Гумилев и Ахматова

Обратимся к свидетельнице их знакомства - Валерии Срезневской, которая дружила с Анной Горенко (тогда еще Горенко, псевдоним Ахматова она возьмет позже).

"С Колей Гумилевым, тогда еще гимназистом седьмого класса, Аня познакомилась в 1903 году, в сочельник... Ане он не нравился; вероятно, в этом возрасте девушкам нравятся разочарованные молодые люди, старше 25 лет... Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами".

Они ходили на выставки, в театры, на студенческие вечеринки. В ту пору они назывались "журфиксами", и это были не нынешние "тусовки". Тогда все больше говорили и спорили о судьбе России, о народе, "о подвигах, о доблести, о славе..." Молодежь - конечно, о поэзии.

"Зачем в ней столько тихих чар?.. - вопрошал в стихах Николай Гумилев. Но в Ахматовой были заключены не только "чары", в ней был разлит еще "яд неразделенной любви". Гимназистка-поэтесса наивно думала, что "отравлена на всю жизнь". Она тяжело болела, лечилась в Крыму. Болезнь легких осложнялась ее безответной любовью к петербургскому студенту Владимиру Голенищеву-Кутузову. А тут совсем некстати любовь Гумилева, некрасивого юноши. Конечно, она сказала ему "нет".

Что оставалось делать Гумилеву? Он укатил в Париж. Однако отношения между Ахматовой и Гумилевым все же теплились, и они обменивались письмами (к сожалению, письма периода с 1906 по 1910 годы не сохранились - Ахматова и Гумилев их сожгли после свадьбы).

В Париже Гумилев усиленно занимался образованием и литературными делами, а попутно увлекся некой баронессой де Орвиц-Занетти. Подробности этого увлечения неизвестны, за исключением того, что баронесса вдохновила Гумилева на стихотворение "Царица Содома", названное позже "Маскарадом".

Мазурки стремительной зов
раздавался,
И я танцевал с куртизанкой
Содома,
О чем-то грустил я, чему-то
смеялся,
И что-то казалось мне
странно-знакомо...

Над этим увлечением Гумилева Ахматова слегка подтрунивала, как, впрочем, и позже над другими романами Гумилева (она была уверена в нем?).

Анализируя отношения между Гумилевым и Ахматовой, Срезневская пишет:

"Конечно, они были слишком свободными и большими людьми, чтобы стать парой воркующих "сизых голубков". Их отношения были скорее тайным единоборством. С ее стороны - для самоутверждения как свободной от оков женщины; с его стороны - желание не поддаться никаким колдовским чарам, остаться самим собою, независимым и властным... над этой, вечно, увы, ускользающей от него женщиной, многообразной и не подчиняющейся никому..."

Гумилев добивался любви Ахматовой почти 5 лет.

Получив в Париже это первое письмо от Ахматовой, Гумилев в своем ответе написал, что он "так обрадовался, что сразу два романа бросил". Через год переписки Гумилев вновь предлагает Ахматовой руку и сердце и вновь получает отказ.

Победа была одержана неожиданно. 26 декабря 1909 года Гумилев приехал в Киев, чтобы выступить на литературном вечере. В зале, где он читал стихи, присутствовала Анна Горенко. После окончания Гумилев пригласил ее в гостиницу "Европейскую" пить кофе. Там он вновь сделал ей предложение и на этот раз удивительно легко получил согласие Анны Андреевны стать его женой.

Три дня, проведенные в Киеве, пролетели, как в сказке, а 30 ноября Гумилев отбыл в Одессу, откуда он пароходом отправился Африку. Вожделенная Африка. Охота на зверей. Путешествие на мулах.Темнокожие девушки.

Полночь сошла, непроглядная
темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит...

Все это привлекало Гумилева не только как поэта, но и как исследователя, этнографа. Так что отложить такое путешествие Гумилев никак не мог, да и Ахматова на этом не настаивала.

Возвратившись из Африки, Гумилев всюду представлял Ахматову как свою невесту, но до последнего момента не был уверен, что свадьба не расстроится. Примечательно, что, считая себя невестой Гумилева, Ахматова не расстается с фотографией Кутузова. "...Он здесь со мной... я не могу его видеть - это так безумно хорошо... Я не смогу оторвать от него душу мою. Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев - моя судьба, и я покорно отдаюсь ей.

25 апреля в Николаевской церкви села Николаевская Слободка произошел обряд венчания Николая Гумилева с Анной Горенко, ставшей Гумилевой. Гумилеву 24 года, Горенко - в июне будет 21. (Через два года Анне Горенко предстоит стать автором книги "Вечер" под псевдонимом Анна Ахматова.)

Тайны семейной жизни

Как восприняли в литературных кругах женитьбу Гумилева? Поэт Владимир Пяст вспоминает: "На первых же осенних собранияхАкадемии ("Общество ревнителей художественного слова" при редакции журнала "Аполлон" - прим. Ю.Б.) стала появляться очень стройная, очень юная женщина в темном наряде... Нам была известна в качестве "жены Гумилева". Еще летом прошел слух, что Гумилев женился и - против всякого ожидания - "на самой обыкновенной барышне". Так почему-то говорили. Очевидно, от него, уже совершившего первое свое путешествие в Абиссинию, ожидалось, что он привезет в качестве жены зулуску, или, по меньшей мере, мулатку".

Не менее удивлен своей женой был и сам Гумилев, вроде бы, он ее знал, предполагал какие-то черты ее характера, но чтоб так ошибиться!..

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал - своенравницу,
Веселую птицу-певунью...

А она оказалась другой. "Молчит - только ежится, и все ей неможется..." И не "забавница" и не "птица-певунья", а довольно язвительная и насмешливая женщина (все-таки выросла в приморском городе, в Одессе). Гумилев рассчитывал иметь рядом с собой покорную и верную жену, а она была вольнолюбивой и своевольной. Это различие почти сразу дало трещину их семейном доме.

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь
отреклась,
Завтра, знаю, вернешься
покорной...

Итак, не мирный брак, а "битва глухая и упорная", в которой спутница-жена всего лишь "враждующий друг". Но все это было предопределено заранее, ведь Ахматова по-настоящему никогда не любила Гумилева, да и сам он был далеко не однолюб.Соединение под одной крышей двух крупных творческих личностей не сулило никакого мирного уюта. Даже рождение сына Льва (1 октября 1911 года) не изменило их отношений.

И еще одно препятствие для нормальной семейной жизни - поэзия. "Муж и жена пишут стихи - это смешно, - говорил Гумилев Ахматовой, - у тебя столько талантов. Ты не могла бы заняться каким-нибудь другим видом искусства? Например, балетом..."

Но она писала.

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне. Улыбнулся.
Полуласково, полулениво,
Поцелуем руки коснулся.
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...

В одну из семейных ссор Ахматова гордо заявила Гумилеву: "Все равно я лучше тебя пишу стихи." Каково это было услышать Гумилеву, признанному всеми мастеру?

Однажды, когда Гумилев возвращался из одного из своих путешествий из Абиссинии, она встречала его на вокзале в Петербурге. Гумилев хмурился. Первый вопрос, который он ей задал, был: "Писала?" - "Да". - "Прочти". Она прочла. "Да, неплохо, хорошо!" - сказал Гумилев, перестав хмуриться, и они отправились домой. С этой минуты он признал ее как поэта. (Из воспоминаний Исайи Берлина, профессора Оксфордского университета, знатока русской литературы).

Нет, Николаю Степановичу сладко с ней не было: Ахматова была очень непостоянной, то веселой озорницей, то неприступной печальницей.

"Ты совсем, ты совсем снеговая.
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина? -

читаем мы в стихотворении Гумилева "Отравленный". И там же:

А потом, когда свечи потушат
И кошмары придут на постель...

Надежда Мандельштам со слов Ахматовой записала: "В семье всегда считали этот брак обреченным на неудачу..."

Когда в 1918 году Гумилев вернулся из-за границы и пришел к Срезневским, "АА провела его в отдельную комнату и сказала: "Дай мне развод." Он страшно побледнел и сказал: "Пожалуйста..." Не просил ни остаться, ничего не расспрашивал даже. Спросил только: "Ты выйдешь замуж? Ты любишь?" АА ответила: "Да." - "Кто же он?" - "Шилейко". Николай Степанович не поверил: "Не может быть!" (Из дневника Лукницкого).

Гумилев думал, что это будет кто-то из поэтов, а тут негромкий ученый-ассиролог Владимир Шилейко. Ахматова и Гумилев развелись в августе 1918 года, в том же месяце Ахматова вышла замуж за Шилейко. Гумилев был обескуражен и с грустью сказал Ахматовой: "Зачем ты все это выдумала?"

Потом Гумилев напишет:

Сказала ты, задумчивая, строго:
"Я верила, любила слишком
много.
А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом всевидящего бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя."

Но связь между бывшими супругами не прервалась, ведь они были поэтами, товарищами по литературной борьбе, их связывала глубокая дружба. Это ясно выражено в надписи Ахматовой на сборнике ее стихов "Белая стая", подаренном Гумилеву в год их развода: "Моему дорогому другу Н.Гумилеву с любовью Анна Ахматова. 10 июня 1918. Петербург."

Вторая Анна

Ахматовой передали слова Гумилева, сказанные о ней: "Она все-таки не разбила мою жизнь." Возможно, это было и так, ибо Гумилев был жизнелюбив и стоек. После развода он сделал предложение Анне Николаевне Энгельгардт (1895?-1942) и получил согласие. В Бежецке Гумилев прожил с женой зиму 1918-1919 года. 14 апреля 1919-го у них родилась дочь Елена.

8.VI.1940: (Ахматова): "Это был поспешный брак, Коля был очень уязвлен, когда я его оставила, и женился как-то наспех, нарочно, назло. Он думал, что женится на простенькой девочке, что она - воск, что из нее можно будет человека вылепить. А она железнобетонная. Из нее не только нельзя лепить - на ней зарубки, царапины нельзя провести."

Лично мне кажется, что Анна Андреевна была слишком пристрастна к Анне Николаевне и не смогла или не захотела дать ей объективную оценку. Анна Николаевна была вполне милой молодой женщиной и в семье называли ее Асей (чтобы не путать с первой женой?).

Среди изъятых бумаг при обыске Гумилева и подшитых к его "делу" есть записка Анна Энгельгардт к поэту (запротоколирована как "лист N 48): "Дорогой Котик, конфет, ветчины не купила, ешь колбасу, не сердись. Кушай больше, в кухне хлеб, каша, пей все молоко, ешь булки. Ты не ешь и все приходится бросать, это ужасно. Целую. Твоя Аня."

Милый незатейливый быт семьи, из которого Гумилев был вырван, а затем вычеркнут из жизни.

Черубина де Габриак и дуэль с Максимом Волошиным

Снова обратимся к дневнику Лукницкого. Запись от 19 апреля 1925 года: "...АА составила "донжуанский" список Николая Степановича. Показывает мне.

До последних лет у Н.С. было много увлечений, но не больше в среднем, чем по одному на год... А в последние годы женских имен - тьма. И Николай Степанович никого не любил в последние годы.

АА: "Разве и Одоевцеву?/

Я: "И ее не любил... Это не любовь была..."

АА не спорит со мной.

Я: "В последние годы в нем шахство было..."

АА: "...Целый гарем девушек был... И ни одну из них Н.С. не любил. И были только девушки - женщин не было..."

Ну, что ж, попытаемся пройтись по этому "донжуанскому" списку, но для этого надо вернуться в те времена, когда Гумилев сделал предложения Ахматовой, получал отказы от нее и "вынужден был" влюбляться в других (вспомним формулу, что поэт без любви существовать не может).

Когда в 1908 году Ахматова снова сказала ему "нет", Гумилев пытает счастья с другой. Сначала это был мимолетный роман с Лидией Аренс, а весной 1909 года - роман с Елизаветой Дмитриевой.

Вспоминает Дмитриева: "Весной 1909 года в Петербурге я была в большой компании на какой-то художественной лекции в Академии художеств... Это был значительный вечер в моей жизни. Мы все поехали ужинать в "Вену"... Гумилев поехал меня провожать, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это - "встреча" и не нам ей противиться. Это была молодая, звонкая страсть. "Не смущаясь и не кроясь я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей", - писал Николай Степанович на альбоме, подаренном мне".

"Звонкая страсть" реализовалась следующим образом: 25 мая 1909 года Дмитриева и Гумилев сели на поезд и отправились в Коктебель, к Волошину.

"Все путешествие туда, - вспоминает она потом, - я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его "Гумми", не любила имени "Николай", а он меня, как зовут дома, "Лиля" - "имя похоже на серебристый колокольчик", как говорил он..."

Весь июнь они провели в Коктебеле: любовные и литературные беседы, купания, прогулки в горы, катание на лодках... Сказка! - воскликнет сегодняшний читатель, но это и было тогда маленькой сказкой молодого поэта и молодой поэтессы. Одна лишь туча на небе: антипатия между Гумилевым и Волошиным, которая позднее привела их к дуэли.

Затем появилось на свет таинственное создание - Черубина де Габриак и ее пленительные стихи в ключе "мистического эроса", как выразился Вячеслав Иванов. Это была мистификация Волошина, он придумал для Дмитриевой имя Черубины и уговорил ее сыграть роль обольстительной незнакомки.

Об истории появления Черубины написано немало литературы, поэтому опустим все детали и лишь скажем, что волошинская мистификация привела к окончательному обострению отношений между Волошиным и Гумилевым. Произошла крутая словесная "разборка", а 22 ноября 1909 года дуэль. Дуэль из-за женщины - вполне в духе Серебряного галантного века!..

Немецкий поэт и переводчик русской литературы Иоганнес фон Гюнтер рисует такой портрет героини этой истории: "Она была среднего роста, скорее маленькая, довольно полная, но грациозная и хорошо сложена. Рот был слишком велик, зубы выступали вперед, но губы полные и красивые. Нет, она не была хороша собой, скорее она была необыкновенной, и флюиды, исходившие от нее, сегодня, вероятно, назвали бы "сексом".

Но именно из-за такой женщины российская поэзия могла досрочно потерять Максимилиана Волошина или Николая Гумилева, но,к счастью, этого не произошло.

Свидетельство Корнея Чуковского: "Местом дуэли выбрана была, конечно, Черная речка, потому что там дрался Пушкин с Дантесом. Гумилев прибыл к Черной речке с секундантами в точно назначенное время, прямой и торжественный, как всегда. Но ждать ему пришлось долго. С Максом Волошиным случилась беда - оставив своего извозчика в Новой Деревне и пробираясь к Черной речке пешком, он потерял в глубоком снегу калошу. Без калоши он ни за что не соглашался двигаться дальше и упорно, но безуспешно искал ее вместе со своими секундантами. Гумилев, озябший, уставший ждать, пошел ему навстречу и тоже принял участие в поисках калоши.

Гумилев рассказывал о дуэли насмешливо, снисходительно, с сознанием своего превосходства. Макс - добродушнейше смеясь над собой.

После этого происшествия Саша Черный в одном из своих стихотворений назвал Макса "Максом Калошиным".

"Всюду ласки расточая"...

Вернемся в осень 1909 года, именно в это время Сергей Маковский познакомил Гумилева с молодой художницей Н.Войтинской и она согласилась написать портрет поэта. Гумилев стал бывать в доме у Войтинских.

Художница вспоминает: "Он проповедовал кодекс средневековой рыцарственности. Было его стихотворение о даме, и он меня всегда называл "дамой". Ни капли увлечения ни с его, ни с моей стороны, но он инсценировал поклонение и уважение. Это была чистейшая игра"...

Невинное ухаживание. "Чистейшая игра". О последней, а точнее, о последних Гумилев поведал в одном из своих стихотворений:

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.
И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая...

В середине мая 1911 года, проводив жену в Париж, Гумилев уехал в усадьбу Слепнево, где большую часть времени проводил с двоюродными племянницами Кузьминых-Караваевыми, которые жили по соседству. То лето проходило в прогулках, верховой езде, развлечениях и увлечениях.

Родственница Анна Гумилева записывала о той поре:"Приехав в имение Слепнево, поэт был приятно поражен, когда, кроме старенькой тетушки Вари, навстречу ему вышли две очаровательные молоденькие барышни - Маша и Оля. Маша с первого взгляда произвела на поэта неизгладимое впечатление. Это была высокая тоненькая блондинка с большими грустными голубыми глазами, очень женственная...

Не раз я видела Колю сидящим у спальни Маши, когда она днем отдыхала. Он ждал ее выхода с книгой в руках все на той же странице, и взгляд его был устремлен на дверь. Как-то раз Маша ему откровенно сказала, что не вправе кого-либо полюбить и связать, так как она давно больна и чувствует, что ей недолго осталось жить... Осенью, прощаясь с Машей, он ей прошептал: "Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить." Они расстались, и судьба их навсегда разлучила..."

Романтическая история, и гумилевские строки из стихотворения "Дороги", посвященные Маше, ей под стать:

Смотрел я в тягостной
тревоге,
Как плыл по ней вечерний дым,
И каждый камень на дороге
Казался близким и родным.
Но для чего идти мне ею?
Она меня не приведет
Туда, где я дышать не смею,
Где милая моя живет.

В своих воспоминаниях Сергей Маковский утверждал, что, женившись на Ахматовой, Гумилев продолжал вести себя по-холостяцки: "не прошло и одного брачного года, а он уже с мальчишеским задором увивался за всеми слепневскими девушками". Не об этом ли прямо говорится в стихах Ахматовой:

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую

6 января 1914 года Гумилев познакомился с Татианой Адамович. Он увлекся ею, ездил к ней в Вильно, посвятил ей свою новую книгу "Колчан". Об Адамович Гумилев говорил так: "Очаровательная... Книги не читает, но бежит, бежит убрать в свой шкаф. Инстинкт зверька..."

Из дневника Лукницкого:

"24.03.1925. ...Роман с Таней Адамович был продолжительным, но, так сказать, обычным романом в полном смысле этого слова... Когда я сегодня рассказал об этом АА, она ответила: "... это был совершенно официальный роман: Николай Степанович совершенно ничего не скрывал."

"9.06.1925.

Я: "Красивая ли была Таня?"

АА: "Красивая? Красивой она не была, но была интересной..."

Я: "В каком году вы отошли "физически" от Николая Степановича?"

АА ответила, что близки они были ведь очень недолго. "До 14 года - вот так приблизительно. До Тани Адамович... Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым."

Лариса Рейснер и "синяя звезда"

Осенью 1916 года состоялась встреча Гумилева с Ларисой Рейснер. Они встретились в "Привале комедиантов", в артистическом кабачке на Марсовом поле. Молодой писательнице Ларисе Рейснер нравились стихи Гумилева. Она даже пыталась подражать ему. За прическу и страсть к античности Ларису Рейснер прозвали "ионическим завитком". А Гумилев был чувствителен к красоте.

По мнению многих современников, Рейснер была красавицей с точеным холодным лицом. Была умна, обворожительна, дивно танцевала. Одно время с ней встречался Александр Блок. Были у нее отношение с Осипом Мандельштамом. И вот Гумилев...

Первое письмо Гумилева к Рейснер - в стихах - написано еще в Петрограде. Затем с конца октября гумилевские письма стали приходить из полка, в котором он служил. Одно из них начиналось цитатой из драматической поэмы "Гондола": "Лера, Лера, надменная дева, ты как прежде бежишь от меня."

"Леричка моя, - писал Гумилев из Вецбебри 15 января 1917 года. - Вы, конечно, браните меня, я пишу Вам первый раз после отъезда, а от Вас получил уже два прелестных письма. Но в первый же день приезда я очутился в окопах, стрелял в немцев из пулемета, они стреляли в меня, и так прошли две недели. Из окопов может писать только графоман... стульев нет, с потолка течет, на столе сидит несколько огромных крыс... И я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себе Ваше лицо, смотрящее на меня с небес..."

Поэт, он и в окопе поэт...

В какой-то момент Лариса Рейснер даже считала себя невестой Гумилева, но потом все резко изменилось. Может быть, потому, что она узнала о романе Гумилева с А.Н.Энгельгардт, "параллельном" его роману с ней.

Однако разрыв был не окончательный, и Гумилев и Рейснер поддерживали связь в письмах. В последней коротенькой открытке, посланной из Швеции, по дороге в Лондон, Гумилев пишет: "Развлекайтесь, но не занимайтесь политикой."

Рейснер не послушала совета и стала отважным большевистским комиссаром. В последнем своем письме к Гумилеву она писала:

"... В случае моей смерти, все письма вернутся к Вам. И с ними то странное чувство, которое нас связывало и такое похожее на любовь."

Лариса Рейснер ненамного пережила Гумилева: она умерла от тифа 9 февраля 1926 года, в возрасте 30 лет.

Безумие любви

В 1917 году Гумилев, отвоевав на русском фронте, гусарским корнетом был командирован на салоникский фронт и попал в Париж. "Тут, как пишет Сергей Маковский, и приключилась с ним любовь, явившаяся косвенно причиной его смерти (Гумилев не вернулся бы, вероятно, в Россию весной 18-го года, если бы девушка, которой он сделал предложение в Париже, ответила ему согласием)."

Что это за роковая девушка? Елена Карловна Дебюше, дочь хирурга из Одессы, "девушка с газельными глазами", чье "фарфоровое тело томит неясной белизной." Влюбчивый до крайности, Гумилев зажегся сразу.

Сердце прыгает, как детский
мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне нельзя иначе,
Оттого что я ее люблю.

Елене Дебюше, жившей в Париже, в тупике "близ улицы Декамп" Гумилев посвятил книгу стихов, полную признаний в страсти "без меры". Себя он называл "рабом истомленным" перед ее "мучительной, чудесной, неотвратимой красотой".

Сергей Маковский пишет: "Целую зиму, забыв все на свете, он старался пленить красивую русскую девушку из дворянской семьи, рассказывая ей и стихами, и прозой о своих дальних странствиях и подвигах. Но и парижская "райская птица" оказалась рассудочно-осторожной. Предложение его она отвергла и предпочла бедному поэту статного, красивого и "вовсе обыкновенного" американца с достатком, за которого и вышла замуж."

...Любовная неудача больно ущемила самолюбие поэта-воина.

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

Но прежде чем придти к такому примирительно-печальному выводу Гумилеву пришлось немало перестрадать. Ему казалось, что он может все отдать "за ослепительное счастье хоть иногда побыть с тобою". Она была его "безумием", как он сам выразился. Но, может быть, это "безумие" было только в стихах, а на самом деле любовные переживания не дошли до трагедийной точки?.. Сначала Гумилев называл Елену Голубой звездой, потом сгустил краски, и она стала Синей звездой, под этим именем она и вошла в поэзию Гумилева, свой сборник поэт так и назвал - "К синей звезде".

Ты повторяла: "Я страдаю",
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю?
Что ты лишь синяя звезда.

Давно это было. Погасли страсти. Ушли из жизни ее герои. Но как предвидел Гумилев: "Мой биограф будет очень счастлив, будет удивляться два часа...", воскрешая полузабытые пожелтевшие страницы былого.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
"О любви несчастной
Гумилева
В год четвертой мировой
войны."

Читатели склоняются над "фолиантом" и вспоминают Николая Степановича Гумилева. Вспоминают с благодарностью: ОН БЫЛ!

История продолжается

Пока горела парижская звезда, в России в феврале 1917 года произошла революция. К известию о ней Гумилев отнесся весьма равнодушно. В мае он уехал в Стокгольм, затем в Лондон и Париж. В апреле 1918 года он через Скандинавию и Архангельск возвратился в Петроград.

В отличие от Блока Гумилева не увлекла "музыка революции", наоборот, все ему казалось бессмысленным и беспросветным. На этом фоне произошел еще один "мимолетный роман": Нина Шишкина-Цур-Милен. Она сочиняла музыку на стихи Гумилева и пела ему эти песни. Огневая цыганка.

Струна, и гортанный вопль,
и сразу
Сладостно так заныла
кровь моя,

-пишет Гумилев в стихотворении "Цыганский табор".

О, эфемерное, мимолетное счастье в любви! Всю жизнь Гумилев бросался вдогонку за жар-птицей, но поймать ее так и не смог. Силы для очередной погони он черпал в самоотверженной, увлеченной, интенсивной работе. Петроградская заключительная полоса его жизни оказалась чрезвычайно насыщенной и в творческом, и литературно-практическом смысле. Гумилев собрал вокруг себя творческую молодежь, организовав третий по счету "Цех поэтов". Молодежь тянулась к нему, боготворила его.

За глаза его звали "Гумом". Гум для студийцев был богом. Молодые юноши и девушки сидели в холодной аудитории, почти окоченелые, но с упоением внимали наставлениям и стихам самого Гума, и это было счастьем для них.

Одна из любимых и, возможно, самая любимая ученица Гумилева - Ирина Одоевцева. Он - всегда элегантный и надменный поэт-мэтр, и она - тоненькая, с бантом - начинающая поэтесса. Они дружат, балансируя на грани влюбленности. Именно об Одоевцевой Гумилев писал в стихотворении "Лес":

- Я придумал это, глядя
на твои
Косы, кольца огневеющей
змеи,
На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная
бирюза.

Когда 90-летняя Ирина Одоевцева вернулась из эмиграции с берегов Сены на берега Невы, ее спрашивали: "Был ли Гумилев влюблен в вас?"

"Разумеется, - отвечала она, - я могла бы, как говорится, "распушить хвост" и рассказать о нашем романе. Ведь это "Лес", да и вообще наши отношения. Ну да, был влюблен, но он ведь во многих бывал влюблен..."

"...Конечно, он никакой не политик, никакой не конспиратор, он был прежде всего поэтом. В любом случае расстрел - страшная, непоправимая ошибка... Мои родные после расстрела Гумилева в страхе за меня уничтожили все его письма ко мне, альбом, стихи. Но к нам так никто и не заявился с обыском.."

Страшно было и другой ученице Гумилева - Иде Наппельбаум, дочери знаменитого фотографа, но она тем не менее носила арестованному Гумилеву в тюрьму передачи. Хранила у себя драгоценные реликвии - его портсигар и написанный маслом портрет.

Гумилевский портрет - страшная улика в годы репрессий. Хранить портрет расстрелянного поэта, "врага народа"? В своей книге Ида Наппельбаум пишет:

"Был 1937 год. Однажды пришла с работы и замерла от удивления - мой муж с искаженным, побелевшим лицом сидел на полу, держа в руках портрет. Он сдирал холст с подрамника. Потом большими, длинными ножницами он начал кромсать полотно на куски. Я в отчаянии закричала и опустилась тут же на пол.

- Так надо, - еле слышно произнес Фроман (Михаил Фроман, - муж Иды, - прим. Ю.Б.), - уже им интересуются, спрашивают людей.

Потом куски холста свернули в рулон и унесли из дома туда, где их можно было сжечь..."

Но и уничтоженный портрет Гумилева не спас Иду Наппельбаум: 9 января 1951 года ее арестовали. Донес "друг семьи", который видел в квартире крамольный портрет Николая Гумилева.

Однако было бы неправильно утверждать, что все относились к Гумилеву с восторгом и упоением, как Одоевцева и Наппельбаум. Нашлась среди юных поэтесс и скептическая девушка - будущая писательница Нина Берберова.

Вот как Нина Берберова описывает первую личную беседу мэтра с ученицей:

" - Кто ваш любимый поэт? - внезапно вылаял он.

Я молчала: мне не хотелось лгать, это был не он.

Он взял мою руку и погладил ее. Мне захотелось домой. Но он сказал, что хочет завтра пойти со мной гулять по набережной."

На следующий день было свидание, сначала на скамейке, потом они поднялись и пошли в книжный магазин Петрополиса. На полках Гумилев отобрал пять-шесть книг.

"Внезапно Гумилев остановился и несколько торжественно произнес:

- Обещайте мне, что беспрекословно исполните мою просьбу.

- Конечно, нет. - ответила я.

Он удивился, спросил, боюсь ли я его. Я сказала, что немного боюсь. Это ему понравилось. Затем он протянул мне книги.

- Я купил их для вас.

- Не могу, - сказала я, отвернувшись... я почувствовала, что не только не могу взять от него чего-либо, но и не хочу.

И тогда он вдруг высоко поднял книги и широким движением бросил их в Неву. Я громко вскрикнула, свистнули мальчишки. Книги поплыли по синей воде... Мы медленно пошли дальше..."

- Пойду теперь писать стихи про вас, - сказал он мне на прощанье...

Ночью в постели я приняла решение больше с ним не встречаться. И я больше никогда не встретилась с ним, потому что на рассвете 3-го, в среду, его арестовали..."

Георгий Иванов (который впоследствии стал мужем Ирины Одоевцевой) так написал об этом.

"Гумилев в день ареста вернулся домой около двух часов ночи. Он провел этот последний вечер в кружке преданно влюбленной в него молодежи ..

Потом студисты рассказывали, что в этот вечер он был очень оживлен и хорошо настроен - потому что так долго, позже обычного, и засиделся. Несколько барышень и молодых людей пошли Гумилева провожать. У подъезда Дома искусств на Мойке, где жил Гумилев, ждал автомобиль. Никто не обратил на это внимание... У подъезда долго прощались, шутили, уславливались "на завтра". Люди, приехавшие в стоящем у подъезда автомобиле с ордером чека на обыск и арест, ждали Гумилева в его квартире.

Двадцать седьмого августа 1921 года, тридцати пяти лет от роду, в расцвете жизни и таланта, Гумилев был расстрелян. Ужасная, бессмысленная гибель? Нет - ужасная, но имеющая глубокий смысл. Лучшей смерти сам Гумилев не мог себе пожелать. Больше того, именно такую смерть, с предчувствием, близким к ясновидению, он себе предсказал:

умру я не в постели,
При нотариусе и враче."

По мнению большинства современников, писавших о Гумилеве, он был расстрелян 25 августа. Первого сентября в петроградской "Правде" появилось официальное сообщение ВЧК о расстрелянных "по делу профессора Таганцева". В списке расстрелянных Гумилев стоял под тридцатым номером и о нем было сказано следующее:

"Гумилев Н.С. 33 л. филолог, поэт, член коллегии издательства "Всемирной литературы", беспартийный, б.офицер. Содействовал составлению прокламаций. Обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов. Получал от организации деньги на технические надобности."

Дело Гумилева за номером 214224 в настоящее время вызволено из архивов. Конечно, все там шито белыми нитками. Следствие вел безграмотный следователь Якобсон, который даже не выяснил в точности, кого он пустил в "расход" (Гумилев, Гумилевич, Гумилевый? Станиславович, Степанович, Сергеевич? - да, именно так в "деле").

В фельетоне, опубликованном осенью 1921 года "Правде", Троцкий отмечал, что Гумилев и его сподвижники по поэзии "не творцы жизни, не участники в созидании ее чувств и настроений, а запоздалые пенкосниматели, эпигоны чужой кровью созданных культур."

Вот так выразился Лев Давидович наотмашь. И впрямь, Советам не были нужны ни Александр Блок, ни Николай Гумилев (оба ушли из жизни в августе 1921 года). В идеологический и культурный интерьер власти они не вписывались. Уход Гумилева в этом смысле был закономерен.

Где я? Так томно и так тревожно

Сердце мое стучит в ответ:

Видишь вокзал, на котором можно

В Индию Духа купить билет.

К счастью обществу снова стали нужны мастера Серебряного века, чеканщики алмазных созвучий, и среди них - блистательный Николай Гумилев.

Женщины поэта

Н.Гумилев и А.Ахматова с сыном Львом.

Л.Рейснер.

Е.Дмитриева.

И.Наппельбаум.

Н.Берберова.

И.Одоевцева.

Любимые поэта